

- 7 ОКТ 1985

«С М Е Н А»
Ленинград

— Павел Петроич, помните ли вы своих самых первых школьных наставников, какой след они оставили в вашей жизни?

— Конечно, помню. Это Феодосий Васильевич Виноградский, любовь всего класса, замечательный историк. Как терпеливо учил он нас душевной культуре, умению слышать музыку природы, воспитывал на классике. Оказалось, до сих пор работает, пишет статьи, стихи. Горжусь и другим наставником, Антониной Васильевной Харловой, кавалером ордена Ленина. Ей сейчас 92. Но как-то мы вместе разглядывали снимок нашего класса. «Помнишь, кто это?» — спросила она. Ну разве мог я забыть Васю Пономаря, дружка закадычного. «Он — ученый-селекционер. А этого помнишь? Верно, Гена Королев, стал известным ар-

хитектором». Показывает на других, а я и забыл имена. «Как же тебе не стыдно, Павел?» — сказала учительница. Она-то знала о судьбе каждого. Искупило мою вину одно — в смешном белобрисом мальчугане не узнал... себя.

чтоб высший пламень не погас. И не брюзжать, не лицемерить, коль молодые лучше нас. Так будем брать у них уроки, чтоб до скончания наших лет не стал нам чужд девиз высокий: «Да сгинет мрак, да будет свет».

Молодых друзей у меня много. Очень уважаю талант Никиты Михалкова. Немало вынес из общения с молодым режиссером Булатом Мансуровым. С ним только что закончили съемки фильма «Картина» по роману Даниила Гранина.

Что я выделяю в этих режиссерах для себя и чему завидую? Вот бывают такие, с позволения сказать, «художники»: выдают в год по две ленты, перевыполняют план, а в душе у зрителя и у них самих ничего не прибавляется. А есть такие, что изведутся, измучаются, жить не смогут

— А от молодых зрителей письма получаете?

— Может, это странно, но больше всего писем получаю сейчас именно от молодых. До сих пор идут отклики на картину «Я тебя никогда не забуду», тема которой — война и человеческие чувства — волновала меня много лет. И, посмотрите, какие отклики! Вот парень, ему 23 года, два раза ходил смотреть наш фильм. Признается, что он вернул ему веру в существование настоящей любви, когда тяжело переживал разлуку с девушкой. Другое письмо от восьмиклассников: «В фильме, где война-то почти не показана, мы увидели, как страшно все то, что она делает с людьми».

— В отношении старших к младшим чаще всего наблюдается две крайности. Или чрезмерное умиление моло-

импортный шлягер волнуется подчас больше истинных произведений культуры, а это опасно.

Давайте ценить в искусстве все народное, национальное, оно в итоге — интернационально. Именно из-за народных корней я люблю песни «Битлз», джаз. Именно любовь к национальной культуре помогла мне поставить фильм «Снегурочка». Однажды его показывали на кинофестивале в Рио-де-Жанейро. Шли там ленты буржуйские, секс-фильмы, картины про гангстеров, чудовищ, и вдруг — лирическая сказка. Никто не ушел с просмотра, а после титров — бурные аплодисменты. Владелец парижского кинотеатра «Космос» говорил мне, что фильм побил у него все рекорды кассовых сборов. Любопытно, что шел он во Франции под названием «Все про любовь».

Мы снимали «Снегурочку» на натуре, в чудесных костромских окрестностях. Специально была построена «Берен-

«МОЛОДЫЕ ЛУЧШЕ НАС...»

Наш собеседник — Герой Социалистического Труда, народный артист СССР Павел Петрович КАДОШНИКОВ.

— Это очень важно — по-встречаться с человеком, который воплощает черты твоего нравственного идеала, которому хочется подражать. Но: «Не сотвори себе кумира». Не зря ведь и это сказано!

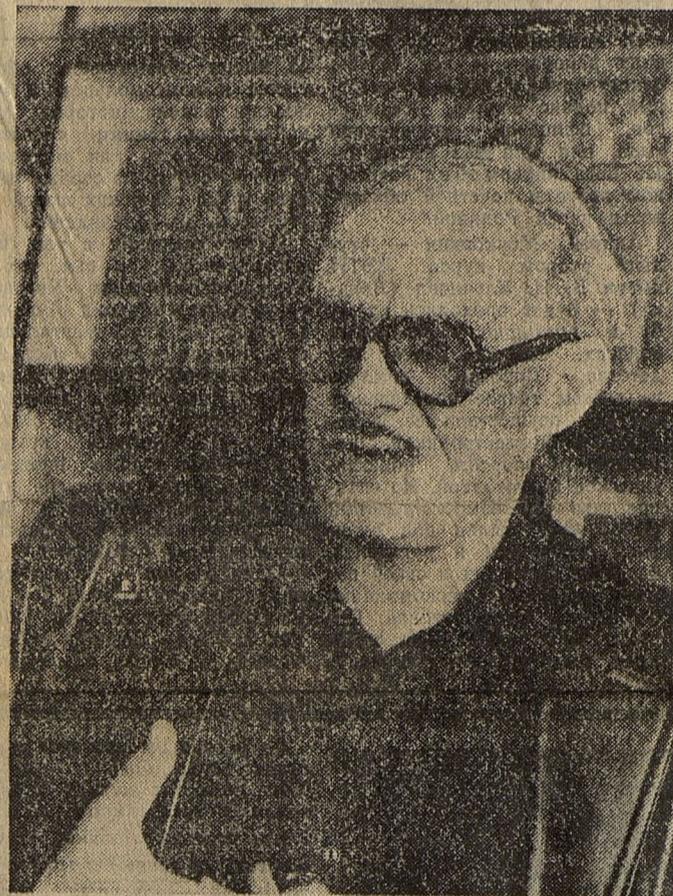
— Для меня тут никакой дилеммы не существует. Подражай — но не копируй, не имитируй слепо все качества, черты и взгляды твоего идеала. Бери только то, чего тебе не хватает, в чем видишь его, кумира, первенство. В каких-то ситуациях нельзя уступать даже непререкаемому авторитету — конечно, если уверен в себе, если чувствуешь на это моральное право.

Вспоминаю бесценный опыт работы с Сергеем Михайловичем Эйзенштейном над картиной «Иван Грозный». На съемочной площадке двое: прославленный, великий режиссер и я, начинающий актер, «зеленый» совсем. Игру князя Владимира, двоюродного брата царя и претендента на престол. Режиссер объясняет, что надо делать: «Ну-ка, ручку прощу вытянуть вперед. Так, хорошо, только вид посуроей, глаза пострашней». А я чувствую, что вижу своего героя иным, чем в сценарии. И говорю об этом режиссеру. Эйзенштейн отменяет съемку. Я, волнуясь, объясняю: князя надо играть робким, безвольным, ему больше всего хочется, чтобы все от него отстали. Эйзенштейн молчит. И вдруг: «Дорогой мой, вы абсолютно правы». Он признал за мной полную самостоятельность, и мне стало необычайно легко. Теперь думаю: а что получилось бы, не возрази я тогда?

Настоящий учитель никогда не подавит тебя как личность, не будет стремиться «стандартизировать» твою индивидуальность. Мои учителя — это мои кумиры...

— Павел Петроич, а вы не считаете зазорным учиться у более молодых людей?

— Нет, и могу на эту тему прочитать стихи из песни, которую исполняет в фильме «Наше призвание» мой герой, кстате, тоже учитель: «Служить науке — значит верить,

спокойно, пока выношенную свою идею не воплотят средствами кинематографа. Собственно, ремесленники и «фанаты» везде есть: и в театре, и в науке. И у вас, в журналистике. Мне везло на встречи с одержимыми. В картине такого режиссера, пусть он даже совсем молод, согласен на любую роль.

Я назвал среди тех, кого люблю, Никиту Михалкова. У этого человека можно поучиться не только высшему профессионализму, но только одержимости идеей. Он необычайно интеллигентен и внимателен к людям. Когда мы снимали «Неоконченную пьесу для механического пианино», отмечались дни рождения всех членов группы. Если у кого-то был первый съемочный день, Никита просил всех задержаться после съемки и торжественно вручал актеру букет цветов. Поздравлял с каждым удачным дублем, радовался чужому успеху как своему. И атмосфера в нашем коллективе сложилась удивительная.

дежду, или абсолютное неприятие ее вкусов, взглядов, манер. Что вы, Павел Петроич, можете сказать по этому поводу!

— Хочу посоветовать молодым: не обращайтесь на тех и других внимания. Особенно не слушайте ворчунов. Мне жалко таких людей — они забыли свою юность, они ее предали. Они смотрят на мир одним-единственным глазом. Меня всегда интересовало, как это у них получается.

Думаю, сегодняшняя молодежь — такая, как надо. Я был на Атоммаше, на БАМе, видел молодых ребят, для которых работа — поэзия, вдохновение. Отдаются ей полностью. Вот как можно жить.

— И все-таки какие проблемы сегодняшней жизни тревожат вас особенно остро?

— Пожалуй, мы чаще стали отдавать предпочтение форме и меньше интересоваться содержанием, внешнее принимать за глубинное. Взять хотя бы искусство. Проходное, однодневное, какой-нибудь

девушка» — сказочная деревня с расписными теремами, резными наличниками. И было жалко до слез разбирать после съемок эту красоту по брезнышку. Куда я только не обращался с просьбой сохранить «Берендевку!» И сохранили. Она стала главной достопримечательностью городского парка Костромы. Это, пожалуй, единственный случай у нас в стране, когда декорация кино обрела права памятника культуры, воспитывает у детей и взрослых любовь к красоте народных обычаев.

— Интересно, что для вас означают слова «уметь жить»!

— Они заставляют вспомнить другое слово — стыд. Должно быть стыдно, противно лезть с черного хода, доставать колбасу за контрамарки, заниматься «блатмейстерством». Именно так почему-то в большинстве случаев понимают «умение жить».

Для меня важно постоянно работать и экономить время. Мой прекрасный друг Николай Черкасов отвечал на вопрос, где он находит время для своих дел, следующим образом: «Я его не ишу, потому что не теряю». И я все время стараюсь найти занятие, без работы не сидеть. Рисую, играю на музыкальных инструментах, занимаюсь физкультурой, люблю в земле копать. Вместе с сыном окончил курсы аквалангистов, нырял на большие глубины в Черном море. Нырял и в Неве, вместе с «моржами» под лед.

А что — интересно!

Сейчас пишу книгу «Драгоценная шкатулка актера». Это вовсе не мемуары, просто зарисовки о встречах. Об учителях и учениках. О чехословацкой женщине из города Готвальдова, назвавшей меня после выхода «Повести о настоящем человеке» своим сыном. Будет там многое, что накопилось в памяти и дневниках, которые я вел с первого дня войны.

Вот вспомнил: Станиславский утверждал, что есть десять ритмов жизни. Первый — сон. Пятый — обычное рабочее состояние. Восьмой — вдохновение, говоря пушкинскими словами, «душа расположена к живому восприятию впечатлений». Десятый — атака.

— И какой же ваш ритм?

— Полагаю, восьмой.

Беседовал
А. ПЕТРОВ